

1. БАБУШКА ЖУРАВЛИК

Тамара Сергеевна Журавлик живет в Минске на пенсию. С трудом сводит концы с концами, а сводить их надо обязательно, иного выбора нет. Бабушкин домашний бюджет — не то же, что государственный. Государство может себе позволить дефицит, для бабушки дефицит домашнего бюджета означает небытие.

Младший сын бабушки Тамары, пятидесятилетний холостяк, проживает вместе с ней в двухкомнатной квартире, работает грузчиком, получает меньше, чем ее пенсия. Старший сын и дочка живут отдельно своими семьями. Живут бедно, как белорусское большинство.

Обстановка в бабушкиной квартире скромная. Облупленный сервант, выцветший стол, продавленный диван. Они куплены в шестидесятых годах. Самые дорогие вещи в доме — цветной телевизор и шерстяной ковер — куплены тоже в советские времена.

Начиная с 1991 года, то есть с момента перехода в рынок и по сей день, Тамара Сергеевна не купила ни одной вещи дороже кастрюли, пачки стирального порошка либо бутылки водки.

Тамара Сергеевна 30 лет проработала на заводе сушильщицей. Показала себя надежным и честным работником. Она принадлежит к той категории людей, которых в СССР было большинство. Если бы эти люди жили вечно, то и работали бы вечно. Но время трудодетальности бабушки Тамары ограничено, поэтому ей дали медаль "Ветеран труда".

Став пенсионером, бабушка не пожелала уходить на отдых, проработала еще десять лет на том же заводе. Работала бы еще, если бы не случился серьезный удар по здоровью, после чего ее уговорили-заставили бросить тяжкий труд.

Когда бабушка уходила с работы совсем, ее провожали с почестями. На заводе ее знают все. Авторитет и уважение со стороны соратников по труду к бабушке огромны. Она говорила, что все, кто попадаетея ей навстречу, здороваются.

Однако на завод бабушка Журавлик продолжала ходить по делам младшего сына. Он работал на ее заводе, отличался большим пристрастием к спиртному. Получал предупреждения и выговоры, но не исправлялся. Администрация приняла решение уволить его. И только из-за уважения к Тамаре Сергеевне, которая приходила слезно просить за сына, решение об

увольнении отменяли, давая шанс алкоголику исправиться. Так было много раз.

На заводе о бабушке помнили, каждый год перечисляли денежную помощь в две минимальные зарплаты. На очередной юбилей Победы пригласили на вечер в честь ветеранов войны, подарили электронные часы с будильником.

Если на заводе устраивались "Вечер отдыха" или "Вечер памяти" для пожилых людей, бабушке Журавлик обязательно звонили и приглашали. К ней домой направляли делегацию — просто поведать, как она живет, чем дышит. На юбилей Победы ее навестили человек пятнадцать, устроили ей настоящие песни и пляски на целый вечер. Все знали, что в войну она была партизанской связной. Бабушка потом плакала от счастья целую неделю, а потом неделю — от тоски.

Если бы не моральная и материальная поддержка от завода, Тамара Сергеевна ни за что не свела бы концы с концами в сегодняшнем мире, где никакие концы с концами не сходятся. Кроме завода, помощи бабушке никто не оказывал. Получала она помощь от завода благодаря своему труду, проявленному в прошлые годы. Иными словами, бабушка Тамара продолжала существовать как советский человек.

Новый мир, образованный из обломков Советского Союза, разрушил все, что гармонично согласовывалось с бабушкиными представлениями о нравственности, разуме, логике. Не понимая в окружающей рыночной действительности, она чувствовала себя полным ничтожеством. И только в тот день, когда как-нибудь соприкасалась со своим заводом, она оживала. Тогда она чувствовала себя человеком, чувствовала свое значение. А это, пожалуй, самое дорогое в жизни для любого из нас. Ни один разумный человек не отдаст добровольно это чувство. Если только не отнимут насильно.

Как-то у нас с бабушкой вспыхнул спор на тему "Когда лучше живется, сегодня или в "те времена"? Бабушка не уступала. И тогда пришлось беспощадно перечислить все основные способы подавления элементарных человеческих прав, присущих развитому социализму. На бабушку это подействовало сильнейшим образом. Был задет клапан, предохраняющий от выхода наружу переполнявшие душу чувства.

Голос бабушки стал высоким, глаза стали вращаться, а зубы скрежетать. Бабушка кляла недоступные цены, разгул хулиганства, телевизионную рекламу, породистых собак и прочие признаки рыночной экономики. Размахивая руками, ругаясь отборным русским матом, бабушка, всегда тихий и вежливый человек, в припадке ненависти схватила стоявшую рядом

бутылку минеральной воды и запустила ее в главное богатство — цветной телевизор, по которому в этот момент рекламировали "орбит без сахара".

Бабушка потеряла над собой контроль. И тогда я представил ее в невменяемом состоянии на площади Независимости перед заградительной цепочкой омоновцев...

От психологов и медиков известно, что абсолютно нормальные люди способны в какие-то моменты своей жизни полностью терять над собой контроль, приходиться в крайнее эмоциональное возбуждение. Одной из основных причин потери самообладания является "больная тема", которую грубо задела. "Больная тема" — это когда человека долгое время что-то гложет, какая-нибудь личная или общественная проблема, в которой человек не может ничего изменить и вынужден носить ее в себе.

Известно, что человек способен воспринимать в первые годы своей жизни максимум информации, затем эта способность неуклонно снижается. Следовательно, в последние годы жизни человек способен воспринимать минимум информации. Пожилые люди не в силах воспринять всю открывшуюся в последнее время Правду.

Пенсионер живет в шоке. Каждый день он копит в себе раздражение на всех и вся. И за последние годы накопил столько, что достаточно малейшего толчка, чтобы накопленное, прервав плотину благоразумия, вырвалось наружу не только в словах, но и в неординарных действиях. Среди стариков наблюдается рост убийц и самоубийц.

* * *

Потерявший над собой контроль старик может побуяннить некоторое время, а потом прийти в себя. Возврат человека в нормальное состояние после эмоционального возбуждения обеспечивается способностью центральной нервной системы восстанавливаться после кратковременного срыва.

Для восстановления нервной системе нужны немалые силы, поэтому способность к такому восстановлению с возрастом ослабевает, и пожилой человек, вышедший за рамки обычного поведения, может попросту не вернуться в эти рамки. Речь уже идет о человеке, провалившемся в затяжной эмоциональный кризис. В таком состоянии человек находится в полной боевой готовности к решительным действиям.

В действии и только в действии может найти выход негодование потерявшего смысл жизни старика. Бабушка Журавлик способна покинуть свою квартиру и присоединиться к боевым действиям. Она ходила в парк Горького на коммунистические митинги, хотя членом КПСС не была.

У пенсионера, прожившего при социализме, все нововведения выбили почву из-под ног, идиотские, с его точки зрения, разоблачения Сталина и Ленина вошли в противоречие с его убеждениями. Где-то на границе подсознания и сознания лежит желание снова обрести почву под ногами. Поэтому зачем выходить пенсионеру из эмоционального кризиса? Ведь это состояние — первый шаг к тому, чтобы все вокруг изменить.

Один пенсионер, готовый к решительным действиям, способен мало что изменить. Для этого пенсионерам надо объединиться.

У любого старика, даже если его любят и уважают в семье, всегда есть определенные сложности со своими детьми и внуками, называемые конфликтом поколений. Старого человека никто "не понимает", поэтому он — самый одинокий человек. У стариков как у самых одиноких людей предрасположенность к объединению самая большая среди всех поколений.

В каждом дворе есть скамейка, на которой регулярно собираются пожилые люди, чтобы покритиковать окружающую действительность. Такие собрания есть не что иное, как идейные ячейки, в каждой из которых можно увидеть зародыш будущего массового объединения стариков.

Когда социальный кризис в стране достигнет таких пределов, что пенсионеры станут "выходить из себя" один за другим, цепная реакция объединения подъездных ячеек в дворовые, дворовых ячеек в районные, районных в городские произойдет быстро, легко и естественно. Любая цепная реакция идет тем быстрее, чем более однородны элементы в нее вовлеченные, а уж как похожи стариковские скамеечные сборища, известно.

Огромная толпа больных и слабых стариков, проклинающих все, начиная с телевизионной рекламы и кончая импортным батоном, вполне способна пойти на штурм универмага либо Дома правительства. Каждый пенсионер в глубине души мечтает показать, что он не тот, которого все привыкли не воспринимать всерьез, а человек, который еще способен на многое, с которым надо считаться.

В Беларуси примерно два с половиной миллиона пенсионеров, четверть всего населения! Им нужно их достоинство, которое у них отняли. Как его вернуть — им все равно. На мятежном знамени их будет нарисовано большое пенсионное удостоверение. Это будет армия пенсионеров. Армия вышедших из себя стариков.

К стариковской боли за свое достоинство прибавится боль за своих детей и внуков, жизнь которых с каждым годом хуже и хуже. В общей стариковской массе заварится и закипит боль за все отечество. Патриотические настроения окрылят по-боевому настроенных стариков. Не забудем, что среди них очень

много людей с организаторским талантом, с боевой практикой, с партизанской тактикой.

Что может армия отважно настроенных, но больных стариков? Она может все. В слабости стариков — их сила. Военные меры к ним применить нельзя. Всеобщий стариковский бунт как беспрецедентный в истории привлечет к себе внимание всего мира. Никто не решится отдать приказ на применение силы против стариков, понимая, что, если он это сделает, имя его будет проклято в веках.

Бунтующим старикам, которым осталось жить всего ничего, терять нечего, они будут готовы на все. Они будут требовать решительных изменений и немедленно продемонстрируют свою готовность идти до конца. Что и подтвердили референдумы 1995 и 1996 годов, инициированные и победно проведенные президентом Лукашенко.

Конфликты с участием стариков значительно участились во время подготовки к упомянутым референдумам. Знакомый рассказал про бабушку из его подъезда, которая, узнав, что ее дети собираются голосовать против президентской конституции, устроила домашний скандал. Закончилось тем, что бабушка объявила голодовку, домочадцы и соседи на коленях уговаривали ее чем-нибудь подкрепиться.

Один дед, который всех в своей семье любил, узнав, что жена его сына настроена против новой конституции, объявил ее "жидовкой", а всех своих внуков соответственно "жиденышами", хотя прекрасно знал, что невестка его — белоруска.

Однажды, до референдума, в троллейбусе маленькая бабушка, подслушав антикоммунистический разговор двух мужчин между собой, била их палкой, кричала: "Шкуры бэнээфовские!" Когда водитель остановил троллейбус и предложил неумной старушке идти пешком, она разбила палкой стеклянную перегородку.

На улице молодая женщина продавала независимую газету. На первой полосе большими буквами было написано: "Не меняйте конституцию на диктатуру". Две старушки атаковали продавца: одна схватила за волосы, другая — рвала газеты.

В Заводском районе Минска случилась героическая трагедия. Ветеран не смог стерпеть, когда трое здоровых парней начали насмехаться над его боевыми наградами на пиджаке, и бросился защищать свои святыни. В результате подонки его убили. В мирное время ветеран войны пошел на смерть, защищая смысл своей жизни.

В Беларуси созрели все условия для революции стариков — так сказал бы Ленин.

Ленин все-таки умер, хотя и был живее всех живых. Зато Лукашенко точно знал, что творилось в душе советских социалистических пенсионеров. Чем больше утекало времени, тем плотнее сжималась в душе пенсионеров пружина недовольства. Чем больше она сжималась, тем выше температура потенциальной разрушительной энергии.

Если хочешь, чтобы энергия попруженного человеческого достоинства не разнеслась впустую повсюду, а пригодилась для твоих планов, — надо, не дожидаясь момента, когда она перевалит критическую массу, направить слепую силу по нужному тебе руслу. Что с блеском исполнил политический полководец, которого можно назвать гениальным стариком. В том смысле, что он несет в себе квинтэссенцию всеобщего стариковского революционного маразма.

Лукашенко не спешил, давал накопиться стариковскому гневу. Точно рассчитав критический момент, он предложил старикам референдум: сначала первый, затем второй. И вся гневная сила вырвалась из стариков, как только ей открыли маленькую щелочку в избирательных урнах, щелочку надежды на возвращение в прошлое, в молодость.

Бабушка Журавлик во всем поддержала президента, ибо он чутко уловил все ее настроения и мечты. И гениально использовал в своих политических целях.

После каждого референдума у бабушки обострились отношения с детьми и внуками, жившими в бедности. Она не скрывала от них, как проголосовала. Неделью-две родные с ней не разговаривали, а затем семейная жизнь восстанавливалась.

Так свершилась в Беларуси революция стариков. Революция-реванш. Она была неизбежной, так как два с половиной миллиона пенсионеров и столько же примкнувших к ним лиц предпенсионного возраста больше не могли терпеть в себе ностальгию по прошлой жизни. Жаль, они не попользуются плодами своей революции, которые все достались руководителю восстания. Но так было всегда.

Стариков победить нельзя. В том залог непобедимости их предводителя, который в 2003 году замыслил референдум № 3. Судя по всему, он сочинит для электората две головоломки: слияние с Россией и третий президентский срок.

Стариков побеждать грешно: это наши прадеды, деды, отцы. Борьба с родителями — аморально. Надо потерпеть. Естественный реванш стариков

естественно и потухнет — в родной земле. Нужно лишь исполнить сыновний долг — похоронить их как подобает.

Последние месяцы в этом мире бабушка Журавлик провела в физических страданиях. Споткнулась на кухне, упала, сломала шейку бедра. Врачи отказались делать операцию, опасаясь, что слабая старушка умрет под наркозом. У Тамары Сергеевны развился рак, она испытывала страшные боли.

Каждый день бабушка Журавлик требовала у детей и внуков принести ей бутылку водки. За ее пенсию, конечно. Водка притупляла боль. За несколько дней до кончины бабушка дала денег на бутылку дорогого армянского коньяка и, когда принесли, выпила из горлышка.

Похоронили бабушку Журавлик на Северном кладбище. На поминки собрались родные, соседи, знакомые. Говорили о ней хорошие слова. Никто не посмел хотя бы пошутить, что уж теперь-то красный ящичек (переносную избирательную урну) к бабушке Журавлик на кладбище не понесут, и таким образом на референдуме № 3 его инициатор потеряет один голос, а дети, внуки и правнуки покойной получат шанс изменить свою нищенскую жизнь. Если захотят.

1998